

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛАХ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются проблемы изучения детского чтения и определения места книги в современном обществе, которые оказываются в эпицентре сложно переплетенных, прямо и косвенно взаимообусловленных социальных стереотипов и мифов. Понимание детского чтения включает в себя ощущение как его внеисторичности, так и исторических изменений, поскольку детство у каждого поколения проходит по-разному. Восемь выпусков круглого стола журнала «Дружба народов» «Только детские книги читать» (2015–2022) дают достаточно репрезентативный эмпирический материал для того, чтобы проследить трансформацию репертуара детского чтения и увидеть, как поколенческие коды влияют на восприятие текста. Анализ этих материалов позволяет понять феномен детского чтения, выявить специфику коммуникации с текстом читателя-ребенка. В этом контексте представляется значимым не только проанализировать многообразные автокомментарии участников опроса, но и благодаря опросам студентов обнаружить разрыв в маршрутах чтения детской литературы.

Ключевые слова: современная детская литература, «толстый» литературный журнал, детское чтение, поколение

Для цитирования: Черняк М. А. Детская литература в «толстых» журналах: к вопросу о трансформации модели детского чтения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1061

ВВЕДЕНИЕ

Один из сдвигов в литературном процессе двадцатых годов XXI века связан с изменением оптики, особым взглядом на инфантильное мышление, который придает особую ценность субъективному опыту ребенка. Художественный критик Джон Рёскин придумал выражение «невинный глаз», чтобы выразить потребность художника в восстановлении детского состояния, в котором все как бы видится в первый раз [14: 169]. В связи со все возрастающим интересом взрослых читателей к современной детской литературе потребность в подобном «невинном взгляде» становится все более очевидной. Книги, входящие в круг чтения ребенка, считаются самыми социально действенными: ведь становление человека напрямую связано и с набором прочитанных в детстве книг. Однако искаженный читательский опыт объясняется прежде всего тем, что школьная программа по литературе практически не предлагает практики чтения со-

временного актуального текста. При этом можно утверждать, что сегодня происходит трансформация модели детского чтения. Проблемы изучения детского чтения и определения места книги в современном обществе оказываются в эпицентре сложно переплетенных, прямо и косвенно взаимообусловленных социальных стереотипов и мифов. М. Аромштам «Читающий ребенок. О детях и чтении», А. Рапопорт «Книга как привычка», Р. Раппопорт «Читай не хочу», М. Елисеева, Н. Максимова, В. Голубева «Книга в восприятии ребенка от рождения до 11 лет», Д. Шеваров «Три чудесных детства», О. Мязотс «Книжки на вырост», М. Яснов «Путешествие в Чудетство», Б. Хеллман «Сказка или быль. История русской детской литературы», Э. Хаббер «Страна Оз за железным занавесом» – этот не полный, но достаточно репрезентативный список книг, вышедших совсем недавно, свидетельствует об актуализации интереса к детской литературе и детскому чтению как важному со-

циокультурному, а не только дидактическому явлению. Названные исследования появляются на фоне постоянных дискуссий о кризисе чтения вообще (в связи с тем, что сериалы, компьютерные игры и реалити-шоу представляют собой масштабный феномен, выявляющийся на пересечении новых и старых медиа и влияющий на формирование нового читателя).

Писатель и психолог М. Аромштам, модератор электронного навигатора по детскому чтению «Папмамбук», в своем исследовании «Читать!», размышляя о межпоколенческих связующих нитях детской литературы, отмечает:

«Детское чтение – относительно новое явление для культуры. Но смысл его состоит ровно в том же, что и во времена эпохи Возрождения: создавать и структурировать внутренний мир ребенка, способствовать развитию его индивидуальности и человеческой сложности. При этом чтение нельзя понимать иначе, чем личное дело ребенка» [2: 160].

Очень важно, что книга, с которой ребенок знакомится в первые годы своей жизни, в значительной степени закладывает базу его словарного и культурного запаса. Как писала в своей автобиографической повести Л. К. Чуковская,

«хорошо выполненная детская книга, книга не от ремесла, а от искусства, всегда интересна не только ребенку, но и взрослому. Маршак называл детскую книгу сестрой книги общенародной. И был прав: его же строка “рассеянный с улицы Бассейной” ушла в толщу народа, *сделалась народной поговоркой* (выделено мною. – М. Ч.). Так же как “если могу – помогу” Корнея Чуковского, или “Ох, нелегкая это работа – Из болота тащить бегемота!”» [22: 77].

Такие «народные поговорки» служат своеобразным опознавательным знаком принадлежности к одной культуре. Однако, как показывают многочисленные опросы не только детей, но и молодых взрослых, многое в книгах, на протяжении десятилетий формировавших общий культурный код, сегодня остается непонятым или понятым превратно. Память в эпоху интернета становится более вместительной, но и, несомненно, более короткой: «зачастую подробного объяснения требуют тексты, написанные всего 10–20 лет назад, или факты и явления, совсем недавно казавшиеся общеизвестными» [12: 69].

Роль «толстых» литературных журналов в современной литературе менялась за последние 35 лет неоднократно – от «журнального бума» конца 1980-х до сегодняшних постоянных прогнозов о закрытии то одного, то другого журнала. Однако благодаря уникальной фор-

ме метажанра (В. Шкловский), который под своей обложкой объединяет разные тексты и тем самым создает контекст литературы, журналы и по сей день являются надежными навигаторами и дают разностороннее и полноценное представление о разнообразных тенденциях современного литературного процесса. Социологи полагают, что, выполняя функцию культурного ретранслятора, «толстые» литературные журналы являются «модератором-экспертом в сфере “высокой литературы”» и оказывают влияние на вкусы читающей эту литературу публики» [6: 70]. В связи с этим представляется важным обратить внимание на так называемые детские номера литературных журналов, которые стали регулярно выходить последние 10 лет. Это рубрика «Двенадцать плюс» в журнале «Октябрь» (ноябрьские номера 2014–2018 годов), «детский» номер журнала «Знамя» (2016. № 11), специальный «детский номер» «Все вверх дном» журнала «Иностранная литература» (2024. № 1) и «детские» номера журнала «Дружба народов» (ноябрьские (11) номера 2015–2022 годов) с повторяющимся из номера в номер круглым столом «Только детские книги читать». Такое внимание к детской литературе, детским писателям, детскому чтению, воспоминаниям о детстве, критике о детской литературе в журналах, которые за свою почти вековую историю никогда не публиковали подобные тексты, в полной мере отражает тенденцию, явно обнаруженную в последнее время, – интерес взрослых к детской литературе.

В 2012 году своеобразным толчком к возникновению дискуссии о современной детской литературе и детском чтении в профессиональной среде оказалась статья М. Скаф «Новая детская литература», в которой говорилось:

«Детской литературы в России вообще-то нет. Ее нет ни как свода текстов, входящих в круг детского чтения, и ни как плеяды авторов, представляющих национальную литературу миру, и уж точно ни как ниши на книжном рынке. Ее нет как института, включающего в себя писательский, читательский и профессиональный исследовательский цех, находящиеся в постоянном, желательно – плодотворном, взаимодействии» [17: 148].

Эти слова, с одной стороны, иллюстрировали общую тенденцию: современных авторов и современных текстов не знали ни взрослые, ни дети. С другой стороны, точка зрения М. Скаф входила в противоречие с реальным и живым рынком детской литературы, демонстрирующим активное обновление жанрового репертуара, появление новых авторов, новых издательств, новых переводчиков и иллюстраторов.

Репертуар подросткового чтения, его жанрово-тематические приоритеты, наиболее популярные авторы и произведения меняются с течением времени. Появление новой прозы для подростков знаменовало возникновение нового типа литературы с многообразием серьезных тем и проблем, о чем свидетельствует издательский репертуар специализирующихся на подростковой литературе издательств «Самокат», «Розовый жираф», «Компасгид», «Паляндрия», «Качели», «Пять четвертей», «Клевер», «Белая ворона», «Настя и Никита» и др. Кроме того, цифровая реальность, в которой формировался новый читатель XXI века, трансформирует устойчивые читательские практики и формирует особый тип интернет-ориентированной детской и подростковой аудитории, для которой традиционные формы продвижения и восприятия книги связываются с режимом ретроориентированности и символического устаревания. В конкуренции видеотекстов, с которыми ребенок сталкивается часто даже не в первые годы, а в первые месяцы своей жизни, и детских книг последние часто оказываются в проигрыше. Сегодня стремительно появляются новые книжные форматы (книги-панорамы, книги-игрушки, гибридные книги с QR-кодами, виммельбухи, молчаливые книги и т. п.), отвечающие вызовам новой цифровой эпохи и меняющие читательские стратегии.

Как отмечает И. Н. Арзамасцева,

«круг детского чтения меняется с каждой эпохой. Его состав зависит от множества факторов. Изменяются исторические условия, а вместе с ними происходят изменения общественных, религиозных и семейных традиций детского чтения. <...> В целом литература для детей проходит свой путь развития, согласованный с общим литературным процессом, хотя и не с абсолютной точностью: она то надолго отстает, то вдруг опережает взрослую литературу» [1: 77].

Восемь выпусков круглого стола журнала «Дружба народов» «Только детские книги читать» дают возможность проследить трансформацию репертуара детского чтения, произошедшую за последние десятилетия. За восемь лет 137 писателей, критиков, журналистов, издателей из России и ближнего и дальнего зарубежья (А. Архангельский, Е. Долгопят, Д. Драгунский, С. Носов, А. Снегирёв, Г. Яхина, А. Аствацатуров, М. Кучерская, А. Варламов, А. Геласимов, М. Кураев, О. Славникова, А. Матвеева, А. Мелихов, Д. Бак и др.) поделились своими воспоминаниями о самой важной книге их детства. Обращение к подобным опросам, пограничным явлениям, находящимся на периферии литературного процесса, дает возможность за-

фиксировать смену читательских поколений. Зачастую бывает сложно провести точную границу между чтением «детским» и «взрослым», поскольку границы периода, называемого детством, как свидетельствуют работы психологов, размыты. М. О. Чудакова в книге «Не для взрослых! Время читать» задает вопрос:

«Когда кончается детство? У всех по-разному. У одних – в шесть лет: они уже и младших нянчат, на огороде и во дворе родителям по-взрослому помогают. А приходилось встречать и таких, у кого оно и в 40 лет еще не кончилось» [20: 8].

Многообразие личных «детских полок», которые выстраиваются в процессе чтения материалов круглого стола «Только детские книги читать», в какой-то мере можно проиллюстрировать словами французского писателя П. Байяра, который настаивал на том, что у каждого читателя есть своя внутренняя библиотека, представляющая собой

«личное подмножество коллективной библиотеки, которое включает в себя книги, важные для определенного человека. Личная внутренняя книга составлена из наших фантазий и собственных легенд, и она имеет прямое отношение к тому, что мы любим читать, к нашему выбору книг и манере чтения» [3: 67].

Параметры группового культурного опыта, включающего в себя и опыт детского чтения, и выстраивания своей собственной «внутренней библиотеки», выводят к проблеме поколенческого текста.

«Сегодня понятно, что “поколенческие” коммуникации, сшибка стереотипов и ценностей поколений – как вечный (архетипический) и частый (в эпоху техноса) процесс – порождают свои устоявшиеся программные поведения, активизируют частоту открытия современным человеком неконтролируемой и неопишуемой актуальной реальности» [16: 90],

– отмечает Т. Рытова. Поколенческий сбой явно обнаруживается в выборе любимой детской книги. Очевидно, что поколение читателей Буратино столкнулось с поколением читателей Гарри Поттера.

Многие образы, цитаты, ассоциации, прецедентные феномены, связанные с детским чтением, остаются в языковом сознании на всю жизнь и активно используются в различных дискурсивных практиках. Литературовед М. Петровский писал о значении детского чтения как своеобразного культурного кода:

«Будут ли дети, когда вырастут, читателями, – дело темное, и что они будут читать тогда – еще темнее; взрослая дифференциация – социальная, профессиональная, наконец, просто вкусовая – разнесет их читательские интересы, размажет по всему литературному (и ввели-

тературному) полю или вовсе вынесет за пределы этого поля. Но в детстве – все читатели, все слушатели бабушкиных или маминых сказок и сравнительно узкого круга книг (выделено мною. – М. Ч.), составляющих основной фонд так называемой детской литературы <...> У множества взрослых (пускай и начитанных) может не оказаться ни одного общего, знакомого всем текста, кроме сказок, усвоенных в детстве. Тогда эти книжки становятся единственным общенациональным текстом. Страшно вымолвить – главным текстом культуры» [15: 10].

Думается, что эта очень важная с методологической точки зрения идея М. Петровского корректируется современной цифровой эпохой. Утверждение ученого актуально именно для «узкого круга книг», которые прочитываются взрослым и ребенком вместе в раннем возрасте (волшебные сказки разных народов, сказки А. С. Пушкина, Х. К. Андерсена, К. Чуковского, стихи А. Барто, С. Маршака и др.). В подростковом же возрасте читатель хочет иметь свою «книжную полку», на которой, что принципиально значимо, находятся тексты про героев-современников или написанные в жанрах, которые не представлены в школьной программе по литературе (детективы, фэнтези, антиутопии, графические романы и т. д.).

Достаточно репрезентативной иллюстрацией к изменению читательских предпочтений подростков может служить Библиотека мировой литературы для детей, состоящая из 50 томов и вышедшая с 1976 по 1987 год. Программа издания золотого фонда всемирной литературы для детей была разработана издательством «Детская литература» совместно с Академией педагогических наук. Поэтому представляется симптоматичным, что многие участники круглого стола очень часто называли среди любимых и важных для их становления книги, которые в разные годы входили в эту серию: «Без семьи» Г. Мало, «Легенда об Уленшпигеле» Ш. де Костера, «Последний из могикиан» Д. Купера, «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Вождь краснокожих» О. Генри, «Сердца трех» Д. Лондона, «Человек, который смеется» В. Гюго, «Приключения Шерлока Холмса» А. Конан Дойля, «Остров сокровищ» Стивенсона, «Дон Кихот» М. де Сервантеса, «Три мушкетера» А. Дюма, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Том Сойер» М. Твена, «Овод» Л. Войнич, «Машина времени» Г. Уэллса, «Лунный камень» У. Коллинз, «Копи царя Соломона» Г. Хаггарда, «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» С. Лагерлёф, «Рикки-Тикки-Тави» Р. Киплинга и др. Пользующийся в конце XX века огромной популярностью у советских школьников издательский проект ка-

жется молодым читателям XXI века архаичным, а имена большого количества авторов абсолютно неизвестными.

«Единство эпохи состоит прежде всего в общности средств, которыми пользуется каждое поколение для выполнения тех или иных исторических задач своего периода», – писал К. Мангейм [13: 13]. Авторы сборника «Веселые человечки: Культурные герои советского детства» (С. Ушакин, М. Липовецкий, М. Загидуллина, М. Майофис и др.) исходят из того, что персонажи детской литературы (Карлсон и Винни Пух, Буратино и Электроник, Айболит и Кот Леопольд, Чебурашка и Хрюша) составили «пантеон» советского детства и вышли за пределы книг, фильмов или телепередач, где появились впервые, они «собрали» вокруг себя множество новых смыслов, став своего рода «иероглифами» культурного сознания современной России (см. об этом: [5]). Осмысление истории и сегодняшнего восприятия этих «иероглифов» позволяет увидеть разные читательские поколения советского и постсоветского общества, дает возможность «на молекулярном уровне» описать социально-антропологические и психологические сдвиги, происходившие в истории России в XX–XXI веках.

«Круг детского чтения – понятие весьма нестабильное, оно подвержено различным изменениям и то сжимается, то расширяется, втягивая в свои пределы одни имена и жанры и параллельно выводя из них другие» [8: 87].

В связи с этим подвергается динамическим процессам и корпус текстов, которые респонденты называют любимыми книгами детства.

Формирование современной литературы для подростков в определенной степени перекликается с процессом формирования новой советской литературы 1920-х годов, «базирующейся не на художественном своеобразии, а на возможности влиять на формирование взглядов и представлений юных читателей» [4: 12]. Идет кристаллизация новых жанров современной детской беллетристики, смена ее кодов, при этом актуальным становится обращение к острым вопросам прошлого и настоящего. Анализ номеров журнала «Дружба народов» доказывает, что обновлению литературных канонов препятствует стойкость предыдущих, например канона советской литературы, тем более что соцреалистическая культура априори инфантильна. Отмеченная М. Чудаковой «детскость» соцреализма была связана с «неестественной ситуацией непрекращающегося социального давления»,

в результате чего живые силы литературы естественным образом устремились в ту сторону, где

«редукция тем и упрощение языка, возникающая перед пишущим в качестве предпосылки, могли быть, во всяком случае, мотивированы жанрово – в сторону литературы собственно детской, то есть детям адресованной» [21: 163].

Доказывая, что детскость – родовая черта соцреализма, Е. Добренко утверждает, что

«идеал соцреализма – взрослый ребенок; его стратегия – консервация детства, поскольку сознание ребенка легко направляемо и подвержено суевериям и мифам, подчинено силе, каковой выступает суверенное государство, нация, власть. Этот инфантилизм культуры любопытным образом проявился в речи: в собственно детской литературе соцреализм начинает говорить на “сверхдетском” языке – все эти “сынишки”, “сестренки”, “братишки”, “зайчишки”, “шалунишки” и т. п. невозможны в нормальной детской речи. Этот специальный детский язык соцреализма освобождал целые лексические пласты, которые перешли во “взрослую” литературу» [10: 35].

Респонденты, подавляющее большинство которых родом из советской школы, действительно, часто книгой своего детства называют произведения А. Гайдара «Тимур и его команда», «Чук и Гек», «Мальчиш-Кибальчиш», «Судьба барабанщика», «РВС» и «Голубая чашка», Н. Островского «Как закалялась сталь», В. Губарева «Павлик Морозов», Е. Ильиной «Четвертая высота», В. Осеевой «Васёк Трубачёв и его товарищи» и др. Из круга чтения студентов-филологов, которые анализировали проект журнала «Дружба народов»¹, эти тексты выпали практически абсолютно. Комментарии студентов по поводу того, знакома ли книга, которую называют писатели, участники опроса, часто повторяются: «никогда не слышал», «что-то знакомое», «слышу впервые», «не читал», «пока не читала, к сожалению, но скоро, чувствую, исправлю это недоразумение», «читал отрывки», «начинала читать в подростковом возрасте, но, к сожалению, не смогла дочитать» и др. Подобные ответы прекрасно иллюстрируют слова детского писателя Ю. Нечипоренко, который говорит о феномене «незаметности»:

«Детская литература входит в плоть и кровь человека – с младенческих лет она обладает голосом отца и матери, бабушки и дедушки. Детский писатель формирует личность человека через его родных и близких – и потом отходит в сторону, становится незаметным, как Бог. Да разве думают о том, кто сочинил ту или иную сказку, тот или иной стих, дети? Рассказ растет, как дерево, стих, как облако, – есть ли авторы у дерева и облака? Потому фигура детского писателя – сокровенная, скрытая, мало кто помнит имена писателей. Вырастают дети и забывают имена малышей писателей, только те,

кто поразил воображение подростков, могут остаться в памяти – Волков, Носов, Кассиль... Или Гофман, Марк Твен, Жюль Верн, Джек Лондон»².

Сегодня особую актуальность приобрела проблема конкуренции вербального и визуального текстов. Целый ряд произведений для детей, написанных в советский период, и многие современные книги для детей получили воплощение в визуальной культуре в виде мультфильмов или полнометражных фильмов. В этой связи возникает вопрос, какой текст – вербальный или аудиовизуальный – является узнаваемым и цитируемым. По свидетельству внимательных к детскому чтению родителей, современные дети, наблюдая содержательные расхождения между книгой и мультфильмом, нередко настаивают на большей авторитетности мультфильма (см. об этом: [9]). Поэтому многие студенты говорили, что они «смотрели», но не «читали» любимые книги участников круглого стола.

«Детство, переполненное ростом как основным состоянием и занятием маленького человека, всегда, неминуемо – путь от “своего” к “чужому” (одновременно и наоборот – от “чужого” к “своему”, выработка “своего” из неподатливого материала “чужого”). Постоянное пересечение границ между этими сущностями разными областями жизни. Оно вообще – пересечение границ. Просто уже потому, что – постоянное расширение круга опыта, разрыв защищающих оболочек. Об эти пересекать границы, разрываемые оболочки просто невозможно не раниться. Рост – всегда травма и неизбежно – утрата»,

– очень точно пишет О. Балла³. Однако разрыв в поколенческих читательских практиках в ситуации стремительной дифференциации института литературы приводит к тому, что «тексты детства» очень отличаются. «Переключка» цитатами и фразами из любимых детских книг, очевидно, уже не работает. Показательна рефлексия студентов-филологов на тот список любимых книг, который приводится в разных выпусках журнала. Ср.:

«Из всех прочитанных статей я сделала вывод, что многие любят и восхищаются книгой “Три мушкетера”. Надо признаться, что я этого произведения никогда не читала»; «Вообще, я мало читала книг из этого списка. Про “Остров сокровищ” много раз слышала, но не было желания сдрузжиться с этой книжкой, чего не скажу о романе “Граф Монте-Кристо»; «Название произведения привлекло мое внимание (“Васёк Трубачёв и его товарищи”. – М. Ч.). Вероятно, его герои авантюрные и веселые ребята».

Тема детства стала одной из ведущих тем современного литературного процесса. И это можно объяснить общей инфантильностью человека

XXI века. По данным ВЦИОМ, более 30 % российской читающей публики выбирают детскую литературу. Для многих взрослых мир детства – это в некотором смысле райский, идеальный, беспроблемный мир, куда хочется вернуться. Чтение детских книг сродни чтению массовой литературы, для которой свойственен эскапизм, «бегство от реальности». М. Хальбвакс в «Социальных рамках памяти» [19] пишет о том, что взрослый, вышедший из детского возраста, способен заново творить в себе и вокруг себя исчезнувший мир детства, но в эту картину мира будет входить скорее вымысел, чем правда, ведь внешние условия уже слишком различны, и в таком случае соприкоснуться напрямую с миром детства уже невозможно.

«Детские книги – как мифы, они задают мирозданию фундаментальные вопросы. Ответы на них годятся для всех, потому что у детей, а тем более зверей и пуще всего – плюшевых, нет своей истории, биографии, своего уникального прошлого. Герои детских книг обобщены и универсальны, как олимпийские боги, христианские святые или психоаналитические архетипы. В них, даже самых маленьких, влезает больше, чем кажется. Пользуясь этим, детские книги вмещают весь мир и делают его выносимым»,

– полагает А. Генис [7: 13]. Действительно, хорошая и вовремя прочитанная детская книжка становится на всю жизнь важным ориентиром во взрослой жизни, – так или иначе об этом говорят практически все участники круглого стола. В этом контексте представляется значимым увидеть многообразные автокомментарии участников опроса. Ср.:

«Часовые блуждания между пыльными стеллажами казались не менее увлекательными, чем странствия Одиссея» (А. Матвеева)⁴; «Книга заговорила со мной обо мне. Мнительный, нервный, косноязычный герой признавался в том, о чем думала я или только собиралась подумать. Я взяла карандаш, вернулась к началу и стала подчеркивать “свои” мысли... кажется, именно тогда я впервые подумала, что литература – это не просто увлекательно рассказанная история, а нечто большее: таинство узнавания себя в героях, разговор по душам, мучительно прекрасное упоение написанным, когда кажется, что сказал бы так же, но, но, но...» (М. Ануфриева)⁵; «В детстве особую радость доставляет узнавание своих мыслей и переживаний у персонажей книг. Так ребенок учится сопереживанию» (Г. Служитель)⁶; «Огромная библиотека была еще одним членом семьи – и очень рано стала моей самой главной и любимой игрушкой» (М. Степнова)⁷; «Удивительно, как ребенок стремится узнать любимого человека через литературу, которую он читает. И я заглядывал на мамину книжную полку в надежде лучше понять ее внутренний мир. В этих книгах ты ищешь не что-то для себя, как обычно, а нечто про близкого – и находишь» (М. Трауб)⁸; «Это было то самое, ради чего и пишутся-читают-

ся все книжки, – расширение пределов твоего бытия, умножение твоей жизни на еще одну, чужую жизнь, не менее и даже более достоверную, чем собственная» (С. Самсонов)⁹; «На свете не так уж много вещей, которые нас способны по-настоящему сблизить... книги, прочитанные и полюбившиеся в детстве, обладают редким свойством пусть ненадолго, но разрушать стены, возведенные между нами зрелостью... в сильных чувствах, которые они у нас вызывали, нет трезвости, нет умеренности, а есть лишь только удовольствие, которое потом еще долгие годы сохраняет взрослая память. Только здесь, обретая себя, можно почувствовать присутствие других» (А. Аствацатуров)¹⁰.

Интересное методологическое размышление о становлении читателя предлагает в своем исследовании О. Н. Турышева:

«Для читателя-ребенка характерна потребность в моральном дидактизме, в уверенности, что мир устроен разумно и что он открывает навстречу читателю свои объятия, чтобы позволить ему встроиться в его структуру. Такой потребности соответствует определенная рецептивная установка, комплекс особых читательских ожиданий. Итак, как свидетельствует сама литература, ребенок-читатель в чтении воплощает установку на проникновение во всеобщий закон, подросток – установку на актуализацию собственного Я, юноша – установку на познание глубинных смыслов человеческой жизни» [18: 38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные исследователи детской литературы справедливо полагают, что несмотря на то, что детская литература – эта та область научных штудий, которая особенно страдает от дискриминационных, устаревших и предвзятых взглядов, произведения, написанные для детей и подростков, невероятно важны для того, чтобы лучше понимать передачу культурных ценностей, социализацию молодежи и влияние стремительных социальных перемен на последующие поколения. Писатели передают укорененные в культуре, полностью сформированные представления о жизни юным читателям, которые еще только начинают социализацию в рамках своих сообществ,

«этот сложный акт передачи культурных ценностей превращает детскую литературу в один из самых важных и привлекательных культурных артефактов, когда-либо производимых человечеством» [11: 27].

Представленные в «детских» номерах толстых литературных журналов материалы – от новых текстов до мемуаров, от критических обзоров до тематических круглых столов, от новейших переводов до актуальных интервью – в полной мере дают возможность познакомиться с этими новейшими «актами передачи» культурных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Работа проводилась на филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена. Студенты-первокурсники 2005 и 2006 г. р.
- ² Нечипоренко Ю. Писатель сродни клоуну. Личный опыт работы «в поле» // Дружба народов. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2015/11> (дата обращения 19.08.2023).
- ³ Балла О. Наука расставания // Дружба народов. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2015/11> (дата обращения 19.08.2023).
- ⁴ Матвеева А. Книга о языке // Дружба народов. 2022. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2022/11> (дата обращения 19.09.2023).
- ⁵ Ануфриева М. «Книга заговорила со мной обо мне» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 19.02.2024).
- ⁶ Служитель Г. «Концентрированный заряд счастья» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 20.02.2024).
- ⁷ Степнова М. «Слишком поздно» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 20.02.2024).
- ⁸ Трауб М. «Молоховец для детей» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 20.02.2024).
- ⁹ Самсонов С. «Умножение твоей жизни на чужую жизнь» // Дружба народов. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2019/11> (дата обращения 19.08.2020).
- ¹⁰ Аствацатуров А. «...С ним менялся и не умирал весь мир» // Дружба народов. 2017. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2017/11> (дата обращения 19.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: Учебник. М.: Академия, 2012. 574 с.
2. Аромштам М. Читать! Минск: Дискурс, 2018. 160 с.
3. Байяр П. «Искусство рассуждать о книгах, которые мы не читали». М.: Текст, 2012. 189 с.
4. Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е – 1930-е гг.) СПб.: Алетейя, 2013. С. 7–20.
5. Веселые человечки: Культурные герои советского детства: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 556 с.
6. Вичкитова А. Роль «толстых» журналов в современном русском литературном процессе // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 3. С. 68–90.
7. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника. М.: АСТ, 2013. 352 с.
8. Демурова Н. М. Июльский полдень золотой: Статьи об английской детской книге. М.: Изд-во УРАО, 2000. 252 с.
9. Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: Коллективная монография / Отв. ред. В. Д. Черняк, М. А. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 224 с.
10. Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 31–40.
11. Лану А., Херолд К., Бухина О. Прощание с коммунизмом: детская и подростковая литература в современной России (1991–2017). М.: НЛО, 2024. 368 с.
12. Майофис М. Комментарий: социальная и историко-культурная рефлексия. От редактора // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 67–69.
13. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
14. Панкеньер Велъд С. Безречие авангарда. Эстетика инфантилизма в русском авангарде. СПб.: Библиороссика, 2023. 370 с.
15. Петровский М. С. Книжки нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. 424 с.
16. Рытова Т. А. «Поколение» как категория современного литературного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 4. С. 87–98.
17. Скаф М. Новая детская литература // Октябрь. 2012. № 12. С. 148–154.
18. Турышева О. Н. Ребенок, подросток, юноша: инфантильное чтение в литературном изображении // Уральский филологический вестник. 2019. № 5. С. 31–42.
19. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
20. Чудакова М. О. Не для взрослых. Время читать! Полка первая. М.: Время, 2009. 208 с.
21. Чудакова М. О. Наука о литературе или «детское литературоведение»? // Вопросы литературы. 1964. № 11. С. 161–173.
22. Чуковская Л. К. В лаборатории редактора. М.: Азбука-классика, 2017. 448 с.

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

CHILDREN'S LITERATURE IN "THICK" JOURNALS: REVISITING THE TRANSFORMATION OF CHILDREN'S READING MODEL

Abstract. The paper deals with the problems of studying children's reading and determining the place of books in modern society, which are at the epicenter of complex social stereotypes and myths, interrelated directly and indirectly. Understanding children's reading involves a sense of both its extra-historicity and its historical transformation, since childhood is different for each generation. The eight editions of the *Druzhba Narodov* (Peoples' Friendship) journal's roundtable "Only Children's Books to Read" (2015–2022) provide sufficiently representative empirical material to trace the transformation of children's reading repertoires and to see how generational codes influence text perception. The analysis of these materials makes it possible to understand the phenomenon of children's reading and to identify the specificities of a child reader's communication with the text. In this context, it seems important not only to analyze various autocomments of the survey participants, but also to discover the gap in the routes of reading children's literature through the student surveys.

Key words: modern children's literature, "thick" literary journal, children's reading, generation

For citation: Chernyak, M. A. Children's literature in "thick" journals: revisiting the transformation of children's reading model. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1061

REFERENCES

1. Arzamastseva, I. N., Nikolaeva, S. A. Children's literature: Textbook. Moscow, 2012. 574 p. (In Russ.)
2. Aromsham, M. Read! Minsk, 2018. 160 p. (In Russ.)
3. Bayard, P. How to talk about books you haven't read. Moscow, 2012. 189 p. (In Russ.)
4. Balina, M. R. Soviet children's literature: a few words about the subject of the study. "To kill Charskaya...": paradoxes in Soviet children's literature (1920s–1930s). St. Petersburg, 2013. P. 7–20. (In Russ.)
5. Merry little men: Cultural heroes of Soviet childhood: Collection of articles. Moscow, 2008. 556 p. (In Russ.)
6. Vichkitova, A. The role of literary magazines in the Russian contemporary literary process. *Sociological Review*. 2016;15(3):68–90. (In Russ.)
7. Genis, A. Reading lessons. The book lover's Kama Sutra. Moscow, 2013. 352 p. (In Russ.)
8. Demurova, N. M. Golden July afternoon: Articles about English children's books. Moscow, 2000. 252 p. (In Russ.)
9. Children's reading: problems of reception and interpretation: Collective monograph (V. D. Chernyak, M. A. Chernyak, Eds.). St. Petersburg, 2020. 224 p. (In Russ.)
10. Dobrenko, E. Socialist realism and the world of childhood. *The canon of socialist realism*. (H. Gunther, E. Dobrenko, Eds.). St. Petersburg, 2000. P. 31–40. (In Russ.)
11. Lanu, A., Herold, K., Bukhina, O. Growing out of communism. Russian literature for children and teenagers (1991–2017). Moscow, 2024. 368 p. (In Russ.)
12. Mayofis, M. Commentary: social and historical-cultural reflection. Editorial. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004;66:67–69. (In Russ.)
13. Mannheim, K. The problem of generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998;30:7–47. (In Russ.)
14. Pankenier Weld, S. Voiceless vanguard. The infantile aesthetic of the Russian avant-garde. St. Petersburg, 2023. 370 p. (In Russ.)
15. Petrovsky, M. S. The books of our childhood. St. Petersburg, 2006. 424 p. (In Russ.)
16. Rytova, T. A. "Generation" as a category of modern literary process. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2009;4:87–98. (In Russ.)
17. Skaf, M. New children's literature. *Oktyabr*. 2012;12:148–154. (In Russ.)
18. Turysheva, O. N. Child, teenager, youth: infantile reading in the literary image. *Ural Philological Bulletin*. 2019;5:31–42. (In Russ.)
19. Halbwachs, M. The social context of memory. Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
20. Chudakova, M. O. Not for adults. Time to read! Shelf one. Moscow, 2009. 208 p. (In Russ.)
21. Chudakova, M. O. Science of literature or "children's literary studies"? *Voprosy literatury*. 1964;11:161–173. (In Russ.)
22. Chukovskaya, L. K. In an editor's laboratory. Moscow, 2017. 448 p. (In Russ.)

Received: 4 March 2024; accepted: 20 May 2024